

новый, достаточно обоснованный вывод автора имеет принципиальное значение для понимания социальной значимости современного двуязычия.

Завершая изложение, автор делает обоснованный вывод о том, что поступательная эволюция нашего общества ведет «к ускорению процессов развития двуязычия...» (с. 137).

В книге имеются отдельные спорные или недостаточно мотивированные положения. Например, на с. 36—37 автор безоговорочно присоединяется к положительной оценке школ, в которых имеются параллельные классы с обучением на русском и молдавском языках. Это справедливо в том отношении, что эти школы способствуют успешному развитию двуязычия; однако следовало бы учесть и иные соображения. Дело в том, что наряду с распространением двуязычия, перед школами стоят и другие задачи, в том числе по патристическому, нравственному и интернациональному воспитанию подрастающего поколения. И при вынесении общей положительной оценки работе школ с параллельными классами обучения, видимо, следовало бы учитывать весь совокупный эффект воспитательного процесса в этих школах.

В другом месте книги, говоря об опыте введения для детей гагаузов в 1—2 классах преподавания на гагаузском языке и сообщая, что этот эксперимент был прекращен (с. 64—65), автор заключает: «...проблема первоначального языка обучения окончательно не решена». Такой вывод требует более убедительных аргументов — ведь речь идет о чрезвычайно важном вопросе для многих тысяч учеников. Конечно, автора регламентировал объем книги, но даже и в ней таким острым вопросам нужно было уделить больше места, хотя бы за счет исключения менее важного материала (например, таблицы на с. 38—40).

Советские языковеды, и прежде всего социолингвисты, накопили значительный опыт по изучению языковой жизни нашего общества, и в первую очередь функционального развития и взаимодействия языков народов СССР. В этом отношении особенно показательны обобщающие труды В. А. Аврорина, Ю. Д. Дешериева, Л. Б. Никольского, А. Д. Швейцера. В центре исследовательских интересов М. Н. Губогло — также взаимодействие языков. Однако от изучения структур и общественных функций языков он одним из первых в стране перешел к исследованию малоизученной сферы жизни — речевого поведения самих носителей языков, в том числе в разнообразных группах населения. Подобное смещение акцента — с языка на речь — позволило полнее выявить основные факторы, механизм функционирования, социально-культурные и этнопсихологические последствия развития двуязычия.

Сегодня уже совершенно очевидно, что дальнейшего глубокого изучения требует вся языковая жизнь нашего общества, в том числе изучение современных этноязыковых процессов и их важнейшей составной части — процессов двуязычия с учетом таких важнейших его параметров, выделенных в книге М. Н. Губогло, как языковая компетенция (степень владения языками), речевая деятельность (употребление языков в различных сферах жизни), языковая ориентация (отношение к языкам, проявляющееся, по мнению автора книги, как часть национального самосознания).

Работа М. Н. Губогло дает пример глубокого и плодотворного использования статистических материалов и данных опросов. Она еще раз показала сложность и многоплановость развития двуязычия и необходимость комплексного его изучения, в том числе путем этносоциологических исследований.

*Н. А. Мохов*

**Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу.** Алма-Ата: Наука КазССР, 1980, 234 с. + Приложение (8 карт).

Систематизация и картографирование обширного фактического материала, характеризующего хозяйственную деятельность и культурно-бытовое разнообразие различных народов, позволяют исследователям ставить и решать широкие типологические задачи, что является важным этапом в создании историко-этнографических атласов по крупным историко-культурным областям. Именно в этом, прежде всего, значение капитального труда, который рассматривается в настоящей рецензии.

Этот труд представляет собой публикацию казахстанской части Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана, подготавливаемого Институтом этнографии АН СССР совместно с академиями наук республик этого региона. Первый выпуск атласа будет посвящен теме «Хозяйство народов Средней Азии и Казахстана в XIX — начале XX в.».

Среди многих историко-культурных областей нашей страны Казахстан выделяется большим своеобразием природных условий и хозяйственно-культурных особенностей. Здесь проявились исторические закономерности формирования и развития особого хозяйственно-культурного типа кочевников-скотоводов умеренного пояса степей и полупустынь Центральной Азии. Коренные изменения, произошедшие в Казахстане за годы Советской власти, превратили обширную территорию недавних кочевников и примитивных земледельцев в высоко развитую социалистическую республику, с механизированным сельским хозяйством и мощной промышленностью. Рецензируемая книга дает возможность читателю не только представить эти огромные изменения в жизни казахов, но

<sup>1</sup> Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (Очерки теории и истории). М.: Наука, 1981, с. 117, 126.

и оценить те позитивные многовековые хозяйственно-культурные навыки в скотоводстве и земледелии, которые нашли свое применение в современном хозяйстве Казахстана.

В основу рецензируемой работы положены главным образом полевые материалы этнографических экспедиций Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР им. Ч. Ч. Валиханова. Авторами использованы также археологические и статистические данные, обширная историко-этнографическая литература, музейные коллекции.

Книга состоит из «Введения» (с. 3—13), небольшого раздела «Население» (с. 14—30) и двух основных разделов: «Животноводство» (с. 31—136), «Земледелие и ирригация» (с. 137—253). Самостоятельное значение имеют карты. Текст хорошо иллюстрирован рисунками и таблицами.

Во «Введении» (автор Г. Ф. Дахшлейгер) справедливо подчеркивается важность накопления и использования в научных исследованиях сведений по истории хозяйства, культуры и быта народов Советского Союза, в частности казахов, характеризуется историография исследуемых в работе вопросов. В разделе «Население» рассматривается этнический состав отдельных областей и уездов Казахстана (применительно к административно-территориальному делению изучаемого периода). Авторы этого раздела — В. В. Востров и Н. Э. Масанов использовали преимущественно данные переписи 1897 г.; ими привлечены также сведения Переселенческого управления с 1902 по 1913 г. и более поздние статистические публикации. Недостатком раздела, на наш взгляд, является отсутствие карты расселения народов Казахстана в начале XX в.

Огромный фактический материал рассматривается в разделе «Животноводство». Здесь освещается история развития скотоводства в Казахстане с древнейших времен, характеризуются типы и формы скотоводства на рубеже XIX—XX вв., виды домашнего скота и их территориальное распространение, водопой, пастбищные угодья и их сезонное использование, направление и протяженность кочевых путей, связанные со скотоводством пища, утварь, некоторые обычаи и поверья. Большая информация заключена также в картах, помещенных в тексте (на с. 126 — картосхема распространения типов маслобоек), и в «Приложении».

Следует, однако, отметить, что авторы не раскрывают в полной мере значения употребляемых ими терминов «животноводство» и «скотоводство». Правда они подчеркивают, что «общим свойством большинства вариантов скотоводства на территории Казахстана был пастбищно-экстенсивный характер хозяйства, нашедший свое выражение в круглогодичном или почти круглогодичном содержании большей части скота на подножном корму» (с. 41). Подобный подход хорошо согласуется с толкованием термина «скотоводство», данным в последней статье Г. Е. Маркова, который справедливо обратил внимание на существенные различия в этнографическом использовании понятий «животноводство» и «скотоводство»<sup>2</sup>.

В подразделе «Скотоводство (историко-археологический очерк)» (автор М. К. Кадырбаев) рассматривается историческое развитие трех основных типов скотоводства — кочевого, полукочевого и оседлого. Анализ археологического материала приводит автора к выводу, что их становление на территории Казахстана относится к середине первого тысячелетия до н. э., причем скотоводство развивалось одновременно с земледелием. Вероятно, следовало бы более подробно обосновать тезис о том, что «переход к кочевому и полукочевому скотоводству был ускорен постепенным изменением климата, приведшим к сильному усыханию степей к началу 1 тыс. до н. э.» (с. 34). Существуют разные точки зрения по вопросу о колебаниях климата в этом регионе и влиянии этих колебаний на судьбы населения казахстанских степей. Одни авторы утверждают, что климат здесь был стабильным на протяжении многих тысячелетий (Л. С. Берг, К. К. Марков и др.). Другие приводят факты изменчивости климата. Л. Н. Гумилев, например, утверждает, что причинами подъема или кризиса экономики кочевников Центральной Азии были колебания увлажненности в широком умеренном поясе. Подъем хозяйства кочевников и рост их могущества он прямо связывает с увлажнением пастбищ<sup>3</sup>. Противоположного мнения придерживаются авторы монографии, придающие большое значение и историческим факторам. В действительности взаимодействия общества и природы носили гораздо более сложный характер, чем это представляется Л. Н. Гумилеву. Однако факт аридизации казахстанских степей, полупустынь и пустынь на рубеже второго и первого тысячелетий до н. э. следует считать доказанным<sup>4</sup>, что, возможно, и способствовало переходу к более дальним перегонам скота и использованию сезонных пастбищ.

М. К. Кадырбаев приводит убедительные свидетельства того, что на территории Казахстана издревле существовали разные типы скотоводческого хозяйства, но вряд ли правомочно говорить о сложении классической системы кочевничества в IX—VII вв. до н. э. Конечно, основы этого типа хозяйства в то время были заложены. Но на протяжении трех тысяч лет данный тип скотоводства не был стабильным. Можно предполагать, что классический тип скотоводства пустынь и степей умеренного пояса в

<sup>2</sup> Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология. — Сов. этнография, 1981, № 4, с. 83—84.

<sup>3</sup> Гумилев Л. Н. История колебаний уровня Каспия за 2000 лет (с IV в. до н. э. по XVI в. н. э.). — В кн.: Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.: Наука, 1980, с. 32—47.

<sup>4</sup> Степанов И. Н. Периодическая повторяемость почвообразования в плейстоцене-голоцене Арало-Каспийского региона — В кн.: Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене, с. 22—32.

наиболее законченной форме сформировался лишь во второй половине первого тысячелетия н. э. Именно в это время, по данным С. И. Вайнштейна, появляются разборные переносные жилища с решетчатым остовом, утварь из кожи, жесткое седло со стременами, более современные формы узды, т. е. элементы культуры, характерные для типичных кочевников<sup>5</sup>.

Скотоводческое хозяйство казахов рассматривается авторами с большой обстоятельностью и детально. Очень интересны написанные Х. А. Аргынбаевым, Х. А. Кауановой и Р. Д. Ходжаевой подразделы «Пастбищные угодья и их сезонное использование», «Направление и протяженность кочевых путей», «Основные виды домашнего скота и их распространение». Следует отметить и подраздел «Об основных типах скотоводческого хозяйства у казахов» (автор В. П. Курылев), в котором предложена типологическая классификация казахского скотоводства, а также проанализированы имеющиеся в этнографической литературе классификации скотоводческого хозяйства казахов конца XIX — начала XX в. Автором привлечено множество работ, и все же некоторые из них не учтены. В частности, не рассмотрена обстоятельная классификация скотоводческого хозяйства, предложенная С. И. Вайнштейном<sup>6</sup>, который, по нашему мнению, удачно выбрал в качестве главного критерия степень подвижности скотоводов, систему постоянных и временных жилищ в их хозяйственном годовом цикле. В. П. Курылеву следовало бы упомянуть также главу «Неоседлое население мира и опыт его картографирования» в книге «Проблемы этнической географии и картографии»<sup>7</sup>. Главный недостаток предложенной В. П. Курылевым типологической классификации заключается в том, что она слабо увязана с теорией хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей, разработанной советскими этнографами. Видимо, этим объясняется и отсутствие в тексте материалов, характеризующих особый тип полуседлых скотоводов-земледельцев дельтовых областей Средней Азии и Казахстана. Как известно, используя большой археологический и этнографический материал, С. П. Толстов, а вслед за ним и Т. А. Жданко, доказали существование такого типа хозяйства в Приаралье с древних времен. По словам С. П. Толстова, комплексное полуседлое хозяйство скотоводов-земледельцев-рыболовов не может теперь «рассматриваться как результат относительно недавнего процесса „оседания кочевников“, а, напротив, выступает как древняя форма, предшествующая, а впоследствии сопутствующая, развитию собственно скотоводческого хозяйства...»<sup>8</sup>.

Фундаментален и второй раздел монографии, посвященный земледелию. В нем рассматриваются системы земледелия, типы сельскохозяйственных орудий, способы орошения, виды сельскохозяйственных культур и их распространение, способы молотьбы и хранения урожая, земледельческая обрядность. В разделе справедливо подчеркивается, что немаловажное значение в изменении традиционного уклада жизни казахов-кочевников оказало русское и украинское переселенческое крестьянство.

В историко-археологическом очерке земледелия, написанном К. М. Байпаковым и Н. Э. Масановым, отмечается, что истоки высокой земледельческой культуры Казахстана восходят к эпохе бронзы (с. 137). Известно, что становление производящего хозяйства в широкой зоне степных охотников зависело от природных ресурсов древних земледельческих ареалов, а также от технической вооруженности, эмпирических знаний, этнических традиций и контактов населения. В данном случае, агрикультура южных земледельческих очагов и Древнего Хорезма оказала несомненное влияние на земледелие Казахстана. Во то же время технический уровень земледелия в значительной мере зависел от природно-климатических и почвенных условий.

Активизация товарно-денежных отношений во второй половине XIX в. способствовала социально-экономическим изменениям в казахском ауле. Внутри казахского общества происходят, как отмечают авторы, массовая пауперизация зависимого населения, рост диспропорции в обеспечении скотом и пастбищами различных слоев общества, аграрное перенаселение степи и т. д. (с. 161). Эти обстоятельства вынуждали кочевых и полукочевых скотоводов переходить к оседлости, полуседлости и земледелию.

Подраздел о сельскохозяйственных орудиях написан М. С. Мукановым. Рассматривая упряжные пахотные орудия казахов, он делит их на две группы: сохи простейшей конструкции (жерагаш) и плуги типа сабан. М. С. Муканов отмечает, что по конструкции жерагаш занимает промежуточное место между ралом и сохой и ссылается при этом на классификацию Ю. А. Краснова<sup>9</sup>, хотя тот подобные пахотные орудия справедливо причисляет к типу однорукоятных прямогрязильных рал. Жерагаш по конструктивным особенностям относится к орудиям типа рала и достаточно четко отличается от русской сохи, хотя, вероятно, последняя генетически и была связана с древними типами рал<sup>10</sup>. Автор характеризует также бороны, серпы, мотыги и другие сельскохозяйственные орудия.

На засушливых пространствах Казахстана в зоне с недостаточным количеством атмосферных осадков в прошлом было распространено поливное земледелие, основанное на сложной оросительной системе. В подразделе, посвященном ирригации,

<sup>5</sup> Вайнштейн С. И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии. — Сов. этнография, 1976, № 4, с. 57.

<sup>6</sup> Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М.: Наука, 1972.

<sup>7</sup> Проблемы этнической географии и картографии. М.: Наука, 1978.

<sup>8</sup> Толстов С. П. Города гузов (историко-этнографические этюды). — Сов. этнография, 1947, № 3, с. 99.

<sup>9</sup> Краснов Ю. А. Древнейшие упряжные пахотные орудия. М.: Наука, 1975.

<sup>10</sup> Русские. Историко-этнографический атлас. М.: Наука, 1970.

К. А. Биржанов и И. В. Захарова показывают многообразие различных типов ирригационных систем и сооружений; некоторые из них изображены на рисунках (с. 172—174, 186—187). В этом подразделе характеризуются также источники водоснабжения (реки, протоки, дельты, озера, горные ручьи, родники и специально вырытые ямы для сбора весенних талых вод).

Как уже отмечалось, в «Приложении» к монографии даны восемь карт: четыре по животноводству и четыре по земледелию. Карта «Направление кочевых путей и типы водоемов» воссоздает картину сезонных миграций кочевого и полукочевого населения. Стрелками указаны направления передвижения скотоводов с зимовок на летние пастбища. Разные типы водоемов обозначены различными по форме значками. Эту карту как бы дополняет карта «Сезонных пастбищ казахов». На ней штриховкой выделены зимние, летние и весенне-осенние пастбища, зимний отгон скота и участки переселенцев. Две другие карты — «Отрасли животноводства у казахов» и «Типы казахского скотоводческого хозяйства» выполнены приемом круговых картодиаграмм. Они весьма наглядно показывают в пределах каждого уезда удельный вес разных видов скота (в условных единицах) и соотношение типов скотоводческого хозяйства. В основе этих картодиаграмм — статистические материалы.

Большой интерес представляет и карта «Типы орошения и виды ирригационных сооружений», в которой сочетаются различные картографические приемы — сплошной фон, штриховка, значки. Пахотные орудия, орудия боронования и уборки обозначены на специальной карте значками разной формы и размера, которые меняются в зависимости от степени распространенности данного орудия. Подобный прием использован и для характеристики способов обмолота, хранения и перевозок урожая. Распространение сельскохозяйственных культур отражено с помощью круговых картодиаграмм, основанных на статистических данных. Все карты наглядны и хорошо иллюстрируют текст.

В целом высоко оценивая весь труд, отметим некоторые недостатки. Так, в разделе «Земледелие» не рассмотрен вопрос об органических удобрениях, хотя при трехпольной паровой системе земледелия, известной у казахов, требуется если не регулярное, то периодическое внесение органических удобрений. В подразделе об ирригации не освещены вопросы, связанные с коллективными мероприятиями по уходу за оросительной сетью. В подразделах «Казахское земледелие и распространение сельскохозяйственных культур» и «Основные виды домашнего скота и их распространение» текст несколько перегружен цифровыми материалами.

Итак, книга содержит детальное описание хозяйства казахов рубежа XIX—XX вв. Мы уже говорили о значении систематизации и картографирования этнографических материалов для создания историко-этнографических атласов. Следует отметить и другую проблему, в изучении которой сыграет свою роль рецензируемый труд. В последние годы, как известно, изучение хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей стало одним из актуальных и перспективных направлений советской этнографической науки. Не приходится сомневаться, что настоящий труд послужит основой при исследовании проблемы хозяйственно-культурной типологии и историко-этнографического районирования обширного Казахстанского региона.

*И. А. Андреев, Б. В. Андрианов*

**A. Viies. Talurahva veovahendid. Baltimaade rahvapäraste põllumajanduslike veokite ajalugu.** Tallinn: Valgus 1980, 272 lk.+55 joon.

Книга эстонского этнографа А. Вийреса «Транспортные средства крестьянства. История народных сельскохозяйственных повозок Прибалтики» — первая публикация, в которой этнографический материал берется в рамках всего Прибалтийского региона, территории, представляющей особую историко-культурную или этнографическую область<sup>1</sup>. Эта область заселена народами разной этнической принадлежности, что дает возможность проследить историю формирования общих и отличительных черт в их культуре и проанализировать факторы, определявшие эти процессы<sup>1</sup>.

Народный транспорт относится к числу мало разработанных тем как в советской, так и в зарубежной этнографии. Это заранее обещало исследователю новые интересные результаты. Вместе с тем перед автором вставали трудности, связанные со сбором материала, разработкой его типологии и классификации.

Если для типологии колесного транспорта уже была создана определенная основа, на которую мог опираться автор, то для колесных повозок эту работу нужно было практически начинать с азов. Отсутствие типологии сказывалось и на качестве ранее собранных материалов. Так, в частности, в описаниях колесных повозок, как правило, отсутствовали данные об основе их конструкции, зато часто рассматривались формы кузовов, имеющие второстепенное значение: Специфика грузовых рам сама зависит от особенностей колесного хода телеги и, кроме того, в значительной мере определяется характером транспортируемого груза.

<sup>1</sup> Подробнее см.: Терентьева Л. Н., Шлыгина Н. В. К вопросу о формировании этнографических границ Прибалтийского региона. — Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979, с. 26—38.